

МАРГО ГЕНЕР

12+

СТЕФАНИЯ.

ПУТЬ К СЕБЕ

Марго Генер

Стефания. Путь к себе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35740945

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-11939-0

Аннотация

Пришел мир, когда потребность выходить из дома почти отпала. Доставка привезет продукты и поднимет на этаж, одежду пришлют по индивидуальному заказу, а оплатить счета с легкостью можно через телефон. Даже на работу ходить не нужно – всё в удаленном доступе. За это требуется лишь отдать время. Свое время. Но каждый решает сам, насколько оно ценно. И какая жизнь реальней – на экране или там, за окном.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	51

*При технической поддержке
инструкторов группы Скандинавских ходоков ВДНХ
«Пойдем ходить» Светланы Савельевой, Людмилы Ветерко-
вой и проводника Романа Нечая. А так же Дмитрия Ерохи-
на и Полины Власовой. Отдельное спасибо родным и Галине
Гуртовой.*

*Основано на реальных событиях, однако все герои вы-
мышлены, все совпадения случайны.*

Пролог

В школьном коридоре носится малышня, поднимая в воздух тучи пыли, а мы с гордым видом старшеклассников проходим между ними и требуем не бегать. Зима пришла внезапно. Сугробы выросли до самых окон, и классному фотографу взбрело в голову делать общий снимок на фоне заснеженного парка.

Несмотря на доводы учеников и споры с преподавателями, фотограф оказался неумолим, поэтому вечером всем предстояло облачиться в шубы и отправиться в парк.

Я смотрю на это со скукой и тереблю темно-каштановую косичку, потому что пребываю в мире грез после книги о человеке, который преодолел себя, своей недуг, козни окружающих. И даже отправился за полярный круг.

Он кажется мне настоящим человеком, борцом, искателем и победителем, на которого следует равняться. Я представляла, как тоже делаю что-то полезное. И когда две подружки спросили, в каких облаках витаю, выдала все, как на духу. О герое, о его девизе, о том, что хочу чего-то добиться. О зимнем походе, который организует преподаватель физкультуры для самых сильных, и о том, что хочу пойти.

Оказалось, подружки таковыми не являются, потому что к обеду весь класс дразнит меня на разные лады.

Подростки существа впечатлительные, а коллективные высмеивания выдержит не каждый взрослый, поэтому вера в героя тает, как весенний снег под солнцем.

После уроков фотограф тащит нас в зимний парк. Я слеую за всеми, плетясь в самом конце, чтобы быть подальше от насмешек. Но двое мальчишек, хулиганы и неучи, отделиются от толпы и чуть отстают.

Они равняются со мной и долго на ходу разглядывают, пока в страхе думаю, что за мысли роятся в их бедовых головах.

Наконец, Петька, предводитель хулиганов школы говорит второму:

– Не. Ерунда. Ну сам посмотри. Стешка-пешка.

– Да вижу, – отзывается второй, глядя на меня и кривясь, словно жует лимон. – Она хилая. И трусиха. Какой там поход. Не возьмут.

Петька еще секунду критично рассматривает меня, затем с нескрываемым разочарованием говорит:

– Пойдем. Над ней даже издеваться скучно.

Несмотря на страх, я отвечаю:

– Отстаньте от меня и идите, куда шли.

Через секунду поняла, что сказала это зря. Петька резко повернулся и проговорил, нависнув над мной, как гора:

– Ты не дерзи, а то могу и передумать. Знаешь, что бывает с теми, кто мне дерзит?

Я хорошо помнила, мальчишек и девчонок, над которыми измывалась его команда. Клей в рюкзак, кнопки на стул, гу-

сеница в карман – самые невинные шалости в списке услуг.

– И не лезь в команду физкультурника, – продолжил он с насмешкой и демонстративно закатил рукав. – Не хватало еще, чтоб тебя по блату взяли. Это тебе не сказочки, это настоящий зимний поход. Таким как ты, там не место. Ясно? Ясно тебе? Если не ясно, объясню по-другому.

Появиться в числе неугодных хотелось меньше всего, и я кивнула.

Они развернулись и пошли к остальным, а я осталась стоять, как оплеванная потому, что оказалась жалкой даже для хулиганов.

Вздохнув с печальным облегчением, я сделала шаг вперед, когда Петька вдруг оглянулся и прокричал:

– И книжечку-то с геройствами отдай. Ты слабая и бесполезная. Нечего девчонкам такое читать, а то мозги вырастут. Героем может быть достойный. До-стой-ный! А не сопливая девчонка. Поняла?

Я нервно сглотнула и остановилась, вытаращившись на Петьку круглыми глазами. Мне было сложно представить, как отдать книгу, перевернувшую представление о мире. Но поднявшийся в воздух Петькин кулак, грозно покачивающийся из стороны в сторону, оказался убедительным.

Снова кивнув, я поплелась за остальными под злорадный смех одноклассников.

Весь задор вместе с энтузиазмом разом сторели в пепел перед страхом оказаться униженной человеком, который да-

же писать грамотно не умеет. На душе стало горько. Чувство тщедушности и беспомощности за секунду разрушили мечту, которую с заботой взрастил талантливый писатель.

Петька поселил во мне страх слабого перед сильным. Сковал веру в себя пудовой цепью, которую пришлось тащить через всю жизнь, лелея надежду однажды разорвать и избавиться от нее.

Глава 1

За окном обильно падает снег. В свете вечерних фонарей он похож на стаи белых мотыльков, которые носятся друг за другом в бешеном хороводе и мерцают ледяными боками.

Всего неделю назад зима начала заявлять о своих правах, но столбик термометра на подоконнике опустился до минус пяти. При такой температуре сердобольные родители одевают детей в комбинезоны, обматывают шарфами и натягивают шапки так, что остаются лишь нос и щеки. От мороза они краснеют и становятся похожи на помидоры. А сами дети превращаются в крошечных космонавтов.

Взрослые делятся на два лагеря. Первые – модные и современные, всегда с телефоном в руке, в легкой куртке нараспашку, словно мороз и ветер обходят их стороной. Голова открыта. На других смотрят, либо вскинув подбородок, либо с легкой игривостью, мол, смотри, я так хорош, что даже на погоду плюю.

Второй тип одевается с запасом. Что значит, шапка, утепленные штаны, обувь на толстой подошве и носки с начесом. Эти боятся замерзнуть, поэтому кутаются так, что похожи на тех же детей. Только больших.

Я отношусь ко второму типу, и выход на улицу в мороз подобен высадке на луну, когда приходится экипироваться

от ботинок до макушки.

Поэтому, когда похолодало, всецело погрузилась в работу, которая позволяет оставаться дома.

В тот вечер я пересматривала старые фотографии, которые аккуратно вложены в фотоальбом много лет назад. В начале шли детские снимки, на которых я маленькой девочкой с темно-каштановыми хвостиками смотрю в объектив и улыбаюсь. Вот я с лопаткой на горке, вот на море в огромной зеленой панамке.

Я листала страницы. Когда перешла к школьным фотографиям старших классов, в груди заворочалось старое чувство досады и разочарования. Даже на общем кадре я сидела с краю в самом низу, словно класс сжалился над убогой и позволил примоститься на снимке.

Захлопнув фотоальбом, я с раздражением убрала его в тумбочку.

Прошло десять лет после школы, но эта фотография до сих пор вызывает неприятные ощущения.

Ковыряясь в архивах не заметила, как прошел час и пришло время Морфея. Я быстро совершила вечерний туалет, но когда застлала диван, который приходится разбирать перед сном каждый раз, на столе завибрировал телефон.

Я бросила быстрый взгляд. Номер не известен. Обычно в таких случаях не отвечала, но в этот раз трель оказалась такой настойчивой, я что взяла трубку.

– Да?

– Стефания? – произнес в трубке низкий и четкий голос.

Я на секунду замешкалась, пытаюсь вспомнить, кому может принадлежать баритон, но в голове возникали лишь образы эстрадных певцов.

– А кто спрашивает? – осторожно поинтересовалась я.

– Координатор, – коротко ответили мне.

Мысли смешались в кашу и растеклись, как жидкая овсянка по тарелке. Крепко потерев лоб пальцами, я переспросила:

– Координатор?

– Именно.

– Извините, – стала пояснять я, догадываясь, что человек позвонил не туда, и по странному стечению обстоятельств у его абонента то же имя, что у меня, – Вы ошиблись. У меня нет координатора.

В трубке послышался возмущенный выдох, какая-то возня, потом баритон проговорил:

– Ну как это нет? Стефания, город Москва, билет номер триста пятьдесят семь. Вам назначен проводник. Сейчас вот проверю... Да, все правильно.

Каша в голове стала еще гуще. Я оторвала телефон от уха и посмотрела на экран, будто там можно увидеть ответ. Но экран светится голубоватым, а в середине все тот же незнакомый номер. Ситуация показалась странной, почти таинственной, как в кино, когда герою звонит неизвестный, а потом ему предлагают выбрать одну из таблеток.

Тряхнув головой, я прочистила горло и вновь поднесла телефон к уху.

– Какое еще билет? – спросила я. – Какой проводник? Послушайте, вы набрали не тот номер. Понимаете? Не тот. Я не знаю про координаторов и билет. Попробуйте позвонить еще раз.

Человек на том конце провода хмыкнул, показалось безразлично, но голос прозвучал, словно сдерживает смех.

– Уверенны?

– Абсолютно, – подтвердила я, радуясь, что наконец, удалось разобраться с банальной, но глупой ситуацией.

– Как знаете, – донеслось из трубки. – Но если передумаете, номер высветился на экране.

Не успела я попрощаться, из динамика послышались гудки. Я с недоверием покосилась на телефон, будто из него может вылезти обладатель баритона и начать доказывать, что мне нужен проводник. Потом положила на стол и направилась на кухню за водой.

На улице окончательно стемнело, ветер стих, и огромные белые хлопья неспешно опускаются на землю, покрывая ее пушистым белым облаком.

Я взяла графин и стала наливать воду. В этот же момент в голове вспыхнула картинка, в которой ровно месяц назад, я точно так же наливала воду в одном из московских антикафе, а подруги рядом хохотали, выхватывая друг у друга листы бумаги.

Рядом стоит парень в традиционном русском костюме, в руках что-то вроде бочки для лотерейных билетов. Он улыбается и подначивает нас писать и бросать бумагу в бочку. Я улыбаюсь, глядя на все это с иронией.

– А вы не хотите принять участие в розыгрыше? – спрашивает парень.

– Нет, спасибо, – отвечаю я с дежурной улыбкой.

– Неужели вам ничего не хочется? – не отстает он. – Все в этой жизни чего-то желают. Попробуйте, может вам повезет. Я снова улыбаюсь и качаю головой.

– Не думаю, что благодаря лотерее мне подарят то, что нужно.

Парень улыбается так широко, что начинает напоминать чеширского кота.

– Кто знает, что готова подарить судьба. Говорят, достаточно лишь попросить.

– Меня все устраивает, – отозвалась я, делая глоток шипучего напитка, от которого защипало в носу.

На самом деле хочется много чего. Пятый год я работаю на дому, составляя сметы, графики и другие таблицы для компаний, которым лень делать это самим. И все это время активно прорастаю корнями в кресло. Друзья далеко. Выехать к ним – значит, бросить насиженное место, привычное, теплое и безопасное. Отправиться в другой город или страну. Задний ум говорит, что этот уют сродни теплу болота, в котором приятно и спокойно, но безжизненно. Жизнь проно-

сится где-то за окном, яркая и пышная, как цветущий сад, однако выйти из обжитого мира сродни шагу в бездну.

– Стеша, – кричит одна из подруг, – ну чего ты? Давай. Это же просто лотерея. Они все не настоящие. Хотя бы поиграй с нами, а то ты как затворница.

Ее слова почему-то западают в душу. Парень в народном костюме подмигивает мне, и я хватаю чистый листок со стола. Под одобрительные крики и похлопывания по плечу вывожу ручкой «хочу жизни». Затем складываю бумажку.

На сгибе отпечатались цифры – три, пять, семь. Видимо, что-то намокло, и они переползли на листок, как переводка.

Потом бросаю билет в бочку. Все смеются. В том числе парень в русской одежде, при этом на меня поглядывает с улыбкой, словно смотрит в самую душу...

Воспоминание оборвалось так же резко, как и началось. Я снова обнаружила себя на кухне с графином в руке и стаканом, из которого вода давно перелилась и, стекая по столу, хлещет на пол.

Выругавшись, как сапожник, я стала вытирать стол и бескрайнее озеро на полу. Пока вытирала, мысли ползали вокруг билета, странного звонка глубоким вечером и желанием, которое в шутку написала на бумажке.

То, что желание совсем не шутка, поняла еще несколько лет назад, когда работала в крупной компании и ждала повышения. Коллега тоже его ждал, но я работала дольше, поэтому была уверена, что место будет моим.

Но когда вечером увидела его, выходящего из кабинета начальника и радостно пожимающего ему руку, внутри все упало. Начальник скрылся за дверью. А коллега, довольный и счастливый подошел и развел руками, сообщив, что на этой должности шеф предпочитает видеть решительного.

Следующим утром я заламывала пальцы, нервничая перед тем, как подойти к начальнику. Но, когда он вышел из кабинета, на меня накатила волна оцепенения и беспричинного страха, причину которому не поняла.

И я позволила шефу уйти.

Я уволилась и стала брать работу на дом, постепенно превращаясь в человека, чья свобода диктуется наличием или отсутствием интернета. Комфорт и однообразие так окутали меня, что однажды став на весы с ужасом обнаружила плюс десять килограмм.

И сейчас натирая пол, который уже и так блестит, как свежая монета, все больше думаю, что оградив себя стенами предсказуемости и покоя, упустила нечто очень важное

– Ну хорошо, – проговорила я выпрямляясь. – Координатор, говорите?

Швырнув тряпку на пол, вернулась в спальню и взяла со стола телефон. Несколько секунд смотрела на последний вызов с неизвестным номером, мешкала и колебалась, словно собираюсь открыть дверь в другой мир. Наконец, сделала глубокий вдох и нажала на значок трубки.

Пошли гудки. После третьего хотела отбить вызов, но ди-

намик захрипел и оттуда донеслось:

– Стефания?

Уверенность баритона, который словно с минуты на минуту ждал моего звонка, выбила из колеи. Я сглотнула и промямлила:

– Э... Да.

– Мы ждали вас, – проговорил он.

– То есть как это ждали? – вырвалось у меня, а буйная фантазия тут же начала рисовать картины, где по всей квартире расставлены жучки, камеры, а на компьютере непременно стоит считыватель паролей.

Баритон прокашлялся, как перед публичной речью, и сказал:

– Мы команда, гм... инструкторов. Ваш билет участвовал в розыгрыше и был выбран вместе с другими.

Несмотря на то, что не поняла, в чем именно инструктирует баритон, налет тайны слетел. Теперь казалось, что разговариваю с хорошо обученным менеджером, обязанным обрабатывать клиентов перед покупкой.

Я усмехнулась и проговорила:

– То есть, это лотерея наоборот? Лотерея, где выигрывает каждый?

– Можно и так сказать, – ответил баритон. – Считайте это официальным пропуском на второй, третий... сто пятый шанс.

– Шанс на что? – не поняла я.

В трубке хмыкнули, голос проговорил:

– Вы что написали в своем билете? Хочу жизни. Вот, мы предлагаем вам совершить путешествие. Пешком. Так сказать, прочувствовать вкус этой самой жизни. Во всяком случае, один из ее оттенков.

При слове «путешествие» сердце забилось чаще. С тех пор, как детская мечта покрылась пылью, прошло десять лет, а координатор дунул на нее, подняв в воздух серые клубы.

Я повторила за баритоном:

– Путешествие? Куда?

– Есть один путь, – сказал он. – Но вы должны решить, пойдете или нет.

– Как я могу решать, если вы не говорите, когда и куда? – спросила я, чувствуя, что к массе непонятных ощущений примешивается еще и возмущение.

Собеседник проговорил вдруг изменившимся тоном:

– Я вас уговаривать должен? Вы написали в билете. Я вам перезвонил. Но теперь звоните вы. Это предполагает заинтересованность звонящего. Идёте или кладите трубку.

Страх перед неизведанным, доверие человеку, которого в глаза не видела, путешествие, о котором баритон отказывался говорить не увязывались с моим пониманием безопасности и комфорта. Легкий холодок ужаса прокатился по спине и вспыхнул горячей звездой в центре живота.

Я набрала воздуха, чтобы распрощаться с незнакомцем и навсегда забыть о звонке, как о страшном сне.

В этот же момент на ветку березы у окна сел голубь. Совершенно белый и непонятно откуда взявшийся в такое время суток. Он посмотрел на меня сперва одним, затем другим глазом.

Казалось, его не волнует снег и мороз, которые, как пеленой, окутали город. На секунду голубь показался самым свободным существом, каких встречала за последние несколько лет. Суеверной никогда не была, но это захотелось считать добрым знаком.

– Вы еще здесь? – спросила я в трубку.

– А вы как думаете? – донеслось из нее.

– Думаю, что я согласна, – произнесла я, не веря собственным словам.

– Отлично, – раздалось в трубке радостное. – Старт в субботу.

Меня окатила волна жара. До момента, пока он не назначил время, все выглядело, как фантазия, воображаемая картинка на экране компьютера. Но теперь осознание реальности накатило тугой волной, и меня затрясло.

– В субботу? – переспросила я. – Это же через два дня.

– Совершенно верно, – радостно согласились в трубке. – Мы вышлем вам инструкции, указание места старта и необходимое снаряжение.

– Но сейчас зима! – вырвалось у меня, и новая волна ужаса прокатилась от макушки до самых пяток. – Зимой могут только...

Однако в трубке возникла тишина, что значит, разговор завершен, а я осталась таращиться на окно, где на ветке все еще качается голубь.

Глава 2

Весь вечер я носилась по квартире, хватаясь за голову и пытаюсь понять, что делаю. Совершить безумный шаг противоречило моей натуре. Хотя странный червячок сомнения шептал, что как раз моей натуре требуется именно это. Но осознание, что согласилась на путешествие с совершенно незнакомым человеком, непонятно куда и на расстояние, о котором могу только гадать, повергло в ужас.

Когда решила, что никуда не пойду, страх моментально прошел, а квартира, которая совсем недавно казалась тихим болотом, вновь стала обычной и родной. Как мох, которым обрастает дерево.

Успокоив совесть, которая почему-то возмущалась больше всего и проявлялась в виде ощущения, что снова отгораживаюсь от мира, легла спать.

Но уснуть не могла долго. Лишь спустя час переворачивания и взбивания подушки, наконец отключилась.

И увидела себя в школьном коридоре среди бегающих третьеклашек, которые поднимают клубы пыли с пола. Мимо них на меня движется Петька, гроза школьников.

Он смотрит на меня с ехидной ухмылкой, словно что-то знает, а я пячусь и шарю рукой в поисках чего-то, чем можно защититься. Но вокруг лишь малышня. Петька приближает-

ся настолько, что могу разглядеть веснушки у него на щеках. Но глаза не Петькины. Слишком крупные и щурятся, как у кота, играющего с мышью. Руки и плечи расширяются, он становится похож на качка из боевиков. Когда голова Петьки достигает потолка, он упирает кулаки в бока и говорит:

– Я тебе не позволю.

С криком я подскочила на кровати, вцепившись в простынь. Дыхание частое, словно бежала стометровку, щеки холодные. Когда провела по ним ладонью, на пальцах остались мокрые следы.

Нервно сглотнув, я перевела взгляд к окну. Там уже расвелось и усердный дворник гребет лопатой снег, которого за ночь стало еще больше.

Я опустила стопы на пол, на трясущихся ногах подошла к окну и открыла фрамугу. Свежий морозный воздух быстро освежил, по телу прокатилась бодрящая волна, а мысли прочистились.

Некоторое время я смотрела на дворника, который в распахнутой телогрейке трудится с пяти утра. Затем, утерев нос, закрыла окно и проговорила сквозь зубы:

– Ну ладно, Петька.

Солнце еще не встало, но я уже была на месте, закутанная в зимнюю одежду, в ватных штанах шапке и шарфе по

самый нос. С раннего утра мороз был около пяти градусов, и мне приходилось становиться спиной к ветру, чтобы уберечь щеки от ледяных игол.

Когда небо стало светлеть, из-за угла появился высокий человек в зимнем спортивном костюме, со стаканом кофе в руке, и я поняла, это и есть мой проводник.

Он двигался очень размеренно, но при этой размеренности умудрялся преодолевать огромное расстояние. Я так увлеклась самым перемещением, что не заметила, как он оказался рядом.

– Стефания, – пробормотала я, засовывая пальцы в карманы.

Несмотря на перчатки, они озябли, хотелось сунуть их в горячую воду.

Высокий человек с суровым лицом молчал и смотрел куда-то в сторону, словно видит то, что не доступно другим. А голубые глаза показались холодными и бесстрастными.

Я покашляла, но он остался неподвижен. Тогда сделала шаг в сторону, чтобы оказаться перед ним, и задрала подбородок.

– Меня зовут Стефания, – проговорила я. – Как мне обращаться к вам?

Лишь теперь он наклонил голову и посмотрел на меня так, словно только заметил. Сделав глоток из стакана, сказал:

– Можешь называть меня проводник.

– Что простите? – переспросила я, надеясь, что ослыша-

лась и сейчас мне назовут нормальное имя.

Но он повторил:

– Можешь называть меня проводник.

– Прямо так и называть? Проводник?

Он кивнул и сказал уверенно:

– Да, так и называй.

– Это как-то странно, – проговорила я смутившись и не зная, как реагировать. – Может, все же было бы удобней, если бы я звала вас по имени?

Повисла пауза. Мужчина, назвавшийся проводником, вновь устремил взгляд вдаль и стал шуриться, будто от света. Я озадаченно обернулась, надеясь увидеть край солнечного диска, который величаво поднимается по небосводу. Но восток затянут облаками, что значит, скорее всего, будет снег.

– Мое имя не имеет значения, – неожиданно проговорил он. – Потому, что главная моя задача на этом пути, быть проводником. И никто не справится с этой задачей лучше.

– Но все-таки... – попыталась вставить я, но он кивком указал в сторону и пришлось обернуться.

Из широкой арки к нам двигалась улыбчивая женщина, закутанная в зимнюю одежду не хуже меня. Даже не дойдя, она помахала, а когда приблизилась, начала быстро рассказывать о дороге, местах остановок, где нужно будет заполнять какие-то документы, местах силы, а мне все больше казалось, что я попала в книгу о шаманах.

Когда с бумагами было покончено, Человек молча указал

на арку, и мы двинулись в путь, который, по его словам, ведет к жизни.

В начале шили молча. Я с опаской поглядывала на своего проводника. Из книг по психологии знала, что самое приятное слово для любого человека – его имя. Оставалось лишь гадать, что скрывается под суровой непроницаемой маской мужчины, и какие испытания пали на него, если стал называть себя просто проводником.

Говорить не решалась, сберегая силы, которые, если верить карте, мне понадобятся. В инструкции, присланной баритоном, которого так и не увидела, говорилось, что путь состоит из ста двадцати километров по разнообразной местности. Потребовал приобрести зимнюю обувь для путешествий и подготовиться морально, поскольку путь может отрыть те стороны природы, которые давно покрылись мхом. Что имел ввиду баритон, не поняла, но допытываться не стала, ибо была поглощена подбором обуви.

Теперь же пыталась вспомнить все, что говорил этот оставшийся в тени человек. Но на ум приходили только слова про природу и обувь.

Неожиданно мужчина, называющий себя проводником, проговорил:

– Ты правильно сделала, что пошла.

Я промолчала. В голове носились идеи, опасения и куча всего, что творится в голове женщины, решившейся на безрассудный поступок.

А он продолжил:

– Это очень старая дорога. Пятьсот лет по ней ходили люди к человеку, который обладал большой мудростью. Но сам путь – уже большая мудрость.

Я наконец совладала с мыслями и поинтересовалась:

– Какая мудрость может быть в пути? Идешь и идешь.

Он ответил, глядя вперед и выпрямившись, как мраморное изваяние:

– Мы будем идти через разные места. С разной историей и силой...

– Силой? – перебила я его, вновь чувствуя дыхание тайны. – Что ты имеешь ввиду? Или это какая-то ваша особая терминология? История, да, понимаю. Архитектура, давность построек. Но сила?

Человек по имени «проводник» кивнул.

– Сила, – сказал он. – Каждое место, где бывают люди, и где они не бывают имеет силу.

– Какую? – продолжила допытываться я потому, что это отвлекает от ветра, который дует в лицо, и даже поднятый до носа шарф не спасает.

Он переложил стакан с кофе в другую ладонь и ответил:

– Разную. Каждый человек испытывает что-то свое. И выносит из пути мудрость. Но только в том случае, если проходит его до конца.

Я замолчала, обдумывая происходящее. Если бы несколько дней назад мне сказали, что отправлюсь среди зимы в пе-

ший поход с незнакомым человеком на расстояние, которое в жизни не ходила, рассмеялась бы в лицо. Но неизвестность проводника почему-то перестала беспокоить. Зато его слова о пути заставили мысли прыгать, как потревоженных белок.

– А долго идти? – наконец спросила я.

Человек пожал плечами.

– Неправильный вопрос.

– А какой правильный?

– Правильный, сколько километров, – ответил он. – Всего сто двадцать. Это значит в день по тридцать.

У меня в груди ухнуло, а человек продолжил:

– Я пройду такое расстояние за день. Такие, как ты, обычно проходят дня за четыре. А старые бабушки дней пять могут идти.

Я кивнула, делая вид, что все поняла. А в это время внутри разворачивалась настоящая Хиросима в центре которой красными буквами пульсирует число тридцать. Такого расстояния я не ходила отродясь, тем более зимой, когда ноги еле переставляются из-за дутых штанов, а щеки обжигает ледяной ветер.

Но рядом с числом тридцать еще сильнее пульсирует слово «бабушки». Осознание того, что это расстояние проходят бабушки с сумкой наперевес и деревянной палкой, захлестнуло с головой, а, перемешавшись с ужасом, пустило сердце в пляс.

Охваченная тревогой, я погрузилась в мысли о том, как

должно быть тяжело одолевать такие расстояния. И как ужасно стыдно их не одолевать, если на это способны даже бабушки. Опять всплыл образ Петьки, который утверждает, что героем может быть лишь достойный, и жутковатый сон с его участием.

По мере того, как углублялась в пучину страха и стыда, проводник уходил все дальше. Лишь, когда он обернулся и не обнаружил меня за спиной, остановился и стал ждать, пока доплетусь.

– Даже бабушки? – спросила я, подойдя.

– Что бабушки? – не поняла он, видимо уже забыв, о чем говорили.

Я повторила, все еще пребывая в пространной задумчивости:

– Бабушки. Бабушки преодолевают этот путь?

Его лицо просветлело в первый раз за всё время знакомства. Губы растянулись в улыбке, будто факт наличия бабушек в мире его очень радует.

– Да-да, – сказал проводник как-то весело. – Проходят за пять дней. Нормально проходят. Километров по двадцать, наверное. Чего ты задумчивая такая? Вот, посмотри. Это подворье Троице-Сергиевой Лавры в Москве.

Словно деревянная, я повернулась к ступенькам, за которыми торчит оранжевая стена церкви. В инструкции, которую прислал баритон указывалось лишь расстояние и список инвентаря, который следует взять с собой. Но когда увиде-

ла церковь, вдруг поняла, что путь мой лежит, ни много, ни мало в саму Троице-Сергиеву Лавру.

Особо верующей никогда не была, но святыни других уважала и старалась не нарушать границ их морали.

– Послушай, – начала я, – а если я ну... Не религиозная? Не знаю, куда кланяться, как заходить. Разве меня не выгонят взащей?

– Откуда? – поинтересовался проводник и посмотрел на меня как на кирпич, который внезапно заговорил.

Я замялась и пожала плечами.

– Ну, не знаю. С Тропы, из церкви...

– Из церкви никого не выгоняют, – сообщил проводник энциклопедическим тоном. – А с тропы тем более. Ты пойми, путница, по Тропе может пройти любой, независимо от пола, возраста и цвета кожи. Главное пройти.

– Почему?

– Ты поймешь.

Больше спрашивать не стала, чтобы не получить очередной пространный ответ в стиле багдадских мудрецов, у которых все спокойно. В эту церковь заходить не решилась и, пока человек-проводник пошел внутрь, осматривала снаружи. Невысокую, с лампадой и табличкой над входом.

Только собралась с духом, чтобы войти, как тот вышел и с довольным лицом указал вниз на ступеньки.

– Пойдем, – сказал он. – Или хочешь зайти?

Я замотала головой, из которой моментально улетучились

мысли о посещении места, в котором не понимаю, как себя вести.

Мужчина-проводник пожал плечами и двинулся к лестнице, а я, как послушная коза на веревочке, посеменила следом.

Оказалось, дороги в любое время дня наводнены машинами. Мой проводник хватал меня за руку, и силком перетаскивал на другую сторону, пока я плелась, словно ребенок который не хочет идти в садик.

Не знаю, сколько раз он так делал и зачем. Но спорить не решалась потому, что не могла представить, как перечить этому человеку. Вместо этого размышляла о пути, о его древней истории, и почему именно он, а не какой-то другой. Еще думала, как команда инструкторов получила мой номер телефона и узнала имя. Но потом решила, что такое не трудно выспросить у подруг, которые сами готовы записать меня на стрижку, которую не просила.

Мы преодолели засыпанный снегом бульвар, на котором встретили бегуна, одетого не по погоде легко. Когда вслух изумилась, проводник сообщил, что холод, это последнее, о чем беспокоится бегун.

Меня же вопрос холода перед стартом беспокоил чуть ли не больше всего, не считая расстояния, которое предстояло пройти. Но в пути выяснилось, что даже десятиградусный мороз теряет силу, если гнаться за моим провожатым.

Первая часть маршрута пролегает через живописный зим-

ний город, поэтому немного забыла о тревогах и беспокойстве, которые не дали уснуть в ночь перед выходом. В результате проснулась измотанной и перепуганной, как новорожденный цыпленок.

Когда проводник в очередной раз перетащил меня через дорогу, лавируя между машинами, словно всю жизнь этим занимается, перед нами вырос огромный костел. Сдержанно-оранжевый, с круглыми башнями. Стены украшены рельефами и удивительной клинописью на непонятном языке.

– Будто эльфы строили, – вырвалось у меня восторженное.

– Это армянская церковь, – пояснил проводник тоном, которым мудрец может говорить с неразумным дитем. – И строили ее люди. Совсем недавно закончили.

– Хочу посмотреть, – сказала я, перелезая через сугробы и таращась на удивительное строение.

Проводник хмыкнул, но промолчал и последовал за мной.

Когда оказались во внутреннем дворе, обнаружила, что собор – это только часть постройки, и внутри еще куча прилегающих зданий. Но мне в глаза бросился вертеп.

Первый вертеп, который видела вживую. До этого их приходилось встречать лишь в кино о католических службах.

Подойдя, я долго разглядывала фигуры, выполненные почти в полный рост, колыбель, дары. Даже попробовала поковырять солому, чтобы увериться, что она настоящая. В какой-то момент показалось, что все персонажи живые и сейчас зашевелиются, начнут говорить и поглядывать на нас с

улыбками.

Тряхнув головой, я отошла, а когда оглянулась, проводник уже стоял на ступеньках и махал мне.

В этот раз отказываться не стала. Внутри храм оказался просторным, с высоким сводом, лавочками для молящихся и алтарем. Когда-то в детстве, бабушка приводила меня в церковь, и я навсегда запомнила сладковатый запах ладана, которым пахло повсюду. Здесь же аромат сильнее и слаще, словно в него добавили меда.

Помня о словах проводника, я попыталась прислушаться к себе, надеясь уловить хоть малейшее шевеление или намек на присутствие силы. Но нутро молчало. Как и я, потому, что не решалась нарушить безмолвное спокойствие храма.

– Это одно из тех мест, о которых говорил, – сообщил проводник, когда вышли на улицу и двинулись по засыпанному снегом тротуару.

Я поковырялась в памяти, а когда вспомнила, не сдержала ироничной улыбки.

– Место силы? – спросила я.

– Правильно.

– Если честно, – проговорила я, приподнимая шарф, чтобы мужчина не видел моего смеющегося лица, – я ничего не заметила.

Ждала, что проводник вскинется, всплеснет руками и начнет отчитывать за бесчувственность или еще что-нибудь. Но он словно ждал такого ответа.

Кивнув чему-то, он в очередной раз перевел меня чрез дорогу. К такому обращению уже стала привыкать и даже нашла в этом определенное удовольствие. Оказалось, очень удобно делегировать обязанность беспокоиться за ориентирование и навигацию. Мужчина двигался настолько четко и выверено, что на какое-то время стала доверять этому неизвестному человеку, который даже имя свое оставил в тайне.

Когда сделали пару поворотов и двинулись по прямой мимо пронсящих с шумом машин, проводник сказал:

– Ты ничего не ощутила потому, что не настроена. Ты закована в десятки одежд, спрятана от всего, что может вызывать внутри отклик.

От прямоты и бестактности во мне все всколыхнулось. Очень захотелось поведать об тревогах, которые колотили меня предыдущую ночь, и как до сих пор не могу поверить в то, что делаю.

Но вместо этого глубоко вдохнула и проговорила:

– Ты меня совсем не знаешь. Несправедливо судить человека, с которым знаком несколько часов. Может, у меня есть причина прятаться. Если бы ты услышал, узнал...

Проводник покачал головой, перешагивая груды снега.

– Мне нужно сопроводить тебя по Тропе. Все, что мне нужно знать, я уже знаю.

– Очень самонадеянное заявление, – отозвалась я и отвернулась потому, что мы поднялись на мост, где порывы ветра ударяют в бок и обжигают щеки.

– Можешь считать, как хочешь, – спокойно проговорил проводник. – Но ты не уникальна в своей попытке укутаться в сотни шкур. Многие живут бесчувственно, не слыша внутреннего голоса и голоса мира.

Доверие, которое начало появляться к этому человеку мигом улетучилось, а сам он вновь стал странным мужчиной, который скрывает свое имя.

Я нервно повела плечами и произнесла:

– Эм... Голос? Это что-то вроде веры или интуиции?

– Может быть, – отозвался он.

На меня снова накатила волна иронии, я сказала улыбаясь:

– Пусть даже так. Но я в это не верю. И вообще не уверена, что верю в... такое.

– А не важно, – с усмешкой сказал Проводник. – Не важна религия или вера. Все это не имеет значения. Процессы происходят независимо от того, видим мы их или нет. Верим в них или нет. Радиацию мы тоже не видим.

– Но ее эффекты видим, и очень даже, – парировала я, довольная, что наконец, нашла дыру в его философии. – Кроме того, есть счетчик Гейгера. Он не только видит радиацию, но и количество показывает.

Проводник покосился на меня, щурясь левым глазом, как кот, разлегшийся на пороге в солнечный день.

Впереди появился велосипедист на шипованной резине и запакованный не хуже меня. Я шла прямо, предполагая, что

он объедет, но когда тот оказался напротив, на меня напал ступор. Зато проводник цапнул за плечо и отдернул в сторону, давая спортсмену дорогу.

– А давно появились эти счетчики? – сказал он, когда велосипедист остался позади. – Давно научились показывать? Всего сто с хвостиком лет прошло. И прежде никто о радиации не знал. И про клетки, из которых состоит тело, не знали. И про космос. Думали, там твердь небесная, а к ней звезды с луной приколочены. Для многого у людей все еще не придуманы инструменты, чтобы зафиксировать, увидеть. Но природа умна. Она заранее наделила всех способностями улавливать очень многое.

– Угу, – пробурчала я, – третий глаз, чакры...

– Каждый чувствует то, что способен, – проговорил проводник, игнорируя мои слова. – На Тропе много разных мест. И разной мощи. Просто нужно продолжать идти.

Глава 3

Продолжать идти становилось все труднее, хотя разум говорил, что это с непривычки. Мост пошел вверх, а я мысленно простонала, пытаясь понять, зачем вообще согласилась на это путешествие. Потом в голове всплыли образы подруг, заставляющих играть в лотерею, и я протяжно вздохнула.

Холодный воздух обжег нос. Пришлось спешно закрывать рот ладонями и дышать в них, чтобы согреть лицо. Украдкой я поглядывала на проводника, который движется сквозь холод и зиму, как ледокол в замерзшем море. Он казался почти не человеческим, и вместе со страхом возникало восхищение, граничащее с восторгом.

Поймав себя на таких мыслях, ощутила себя крошечной, рядом с этим загадочным гигантом, который ведет меня через зиму.

Снег немного ослаб, превратившись в белую взвесь, подобную туману, и застелил город сплошным покрывалом. Но когда оно на несколько секунд поредело, в небе проступила исполинских размеров башня. Переливаясь разными цветами, она уходит в облака, словно выросший за ночь боб из сказки про страну великанов.

– Самая высокая башня в стране и Европе, – сообщил проводник гордо и схватил меня за руку потому, что подошли к

дороге. – Тоже несет в себе...

– Мощь? – спросила я, не дав закончить.

Проводник отвернулся, глядя в сторону, где на магазине огромными буквами блестит вывеска «Ювелирная улица».

– Мощь, – согласился он, переводя меня через дорогу. – Мощь есть во многом. Но в старых местах больше. Когда куда-то столетиями приходят люди, место, так или иначе, накапливает мощь.

– В магазины тоже ходят, – сказала я. – Да еще такими толпами, что и ста лет ждать не надо.

Проводник кивнул.

– Ты от части права, – сказал он. – Магазины тоже имеют мощь. Свою, особую. Там живет слила обмена, сила желания. Она настолько мощная, что люди, выходя оттуда уносят больше, чем планировали взять.

Спорить не стала. Бывает сама захожу за хлебом, а выхожу с двумя пакетами и тащу до самого дома, пытаюсь понять, зачем купила масло для велосипедной цепи.

– После магазинов иногда чувствуешь себя, как выжатый лимон, – проговорила я, глаза на башню, которая безмолвным гигантом плывет слева.

– Еще бы, – усмехнулся проводник. – Только представь, сколько народа туда ходит ежедневно. Со своими мыслями, желаниями и потребностями.

– Только не говори, что это все материально, – отозвалась я.

Он снова засмеялся, смахивая с ворота иней, который намерз от горячего дыхания, потом произнес:

– Ты сама сказал, что чувствуешь себя лимоном.

Надувшись, я замолчала, не желая больше вступать в споры с человеком, у которого на все есть ответ.

Мы все шли, преодолевая перекрестки и прячась от внезапных порывов ветра. По спине стекали горячие капли, шея тоже взмокла, и даже в башмаках, которые с такой дотошностью выбирала, творилась Сахара. Потом снова был мост, а может и не один. После него дорога, наконец, пошла немного вниз, и я надеялась отдохнуть, но проводник словно нарочно, пошел быстрее.

Я, еле переставляя ноги, плелась следом. Усталость подкрадывалась, как ночной хищник, который бесшумно ползет в траве, и человек не слышит его до момента броска. Даже, когда на каком-то отрезке пути воздух наполнился одуряющим запахом свежее испеченного хлеба, я проигнорировала его. О еде даже думать не хотелось.

Идя по длинному бульвару, я прятала лицо и руки от ветра. Деревьев росло мало, поэтому холодные порывы норовили пролезть в самую душу. Спасало лишь движение, которое с каждым шагом становилось все трудней.

Для проводника, судя по прямой спине и бодрой походке, дорога была не сложнее похода в булочную. Хотелось окликнуть, притормозить, попросить идти медленней, но в голове возникали слова о бабушках, которые проходят этот путь за

пять дней. Мне же казалось, что иду целую вечность.

Чтобы отвлечься от усталости, которая медленно смаривает, стала думать о мощи, про которую говорил проводник. Но как ни старалась, приладить это все к современному миру не могла.

– П... Проводник, – позвала я его, когда обнаружила, что он убежал метров на двадцать вперед.

Тот оглянулся. Глаза округлились, словно не верит, что человек может перемещаться так медленно.

– Ты чего плетешься? – спросил он, когда догнала.

– Не могу быстрее, – выдохнула я и наклонилась, оперев ладони в колени.

Дыхание участилось, в груди ухнуло странно и непривычно, словно там включился механизм, которым прежде не пользовалась. Едва ощутила это, по спине прокатилась знакомая волна ужаса, какой испытывала, когда нужно на что-то решиться.

Я сделала несколько глубоких вдохов, чтоб хоть как-то восстановить дыхание, и спросила:

– Где мы?

Проводник приподнял подбородок, словно до этого вообще не смотрел по сторонам. Пару секунд смотрел вдаль, словно видит только ему доступные образы, затем сказал:

– Сейчас сама увидишь. Пойдем.

Простонав, я выпрямилась, а проводник цапнул меня за руку и потащил, чтобы не отстала.

Чем больше продвигались вперед, тем чаще по мне прокатывались горячие волны непонятного происхождения. Казалось, он ведет меня в какую-то черную дыру, из которой ритмичным пульсом вылетают потоки.

Чем ближе подходили, тем сильнее становились эти потоки. Но когда оказались в Космопарке среди монументов, посвященных отцам космонавтики, меня окончательно сморило. Помимо усталости, которая навалилась, как мешок картошки на плечи, я неожиданно ощутила нечто, чему дать объяснение не смогла.

– Не понимаю... – проговорила я, когда обходили стеллу. – Я ничего не понимаю.

Проводник на меня не смотрел. Он увлеченно наблюдал за вертолетом, который кружит над площадью, пытаясь сесть. С земли вздымаются тучи снега, закрывая обзор, но я не могу думать ни о чем, кроме непонятного ощущения потоков.

Когда очередная волна накатила девятым валом, я попросила:

– Давай уйдем отсюда.

Теперь проводник оглянулся. Веселость и беззаботность, которые украшали лицо, пока смотрел на вертолет, слетели. Оно вновь стало серьезным.

– Ты что-то чувствуешь, – сказал он уверенно.

Мне было сложно признаться в этом, поскольку это означало поверить, что мир больше, чем мы видим. И что про-

проводник прав, говоря о процессах, которые мы пока не умеем зафиксировать.

– Не знаю, – уклончиво ответила я.

Он не стал настаивать. Просто взял за руку и повел мимо ворот, через трамвайные пути.

Вокруг сновали люди, что-то кричали, человек в костюме огромного кота совал мне в руки листовки. Но от усталости и ощущения чего-то непонятного, даже не смотрела на них. Лишь отмахивалась и тащилась за проводником.

Потом оказались у исполинских ворот, которые ведут в парк. Едва остановилась, накатила волна такой мощи, что меня качнуло. Упасть не дал проводник, который все это время крепко держал за руку.

– Да почему... – вырвалось у меня. – Что происходит вообще?

– Здесь очередное место силы, – просто объяснил проводник. – Оно не такое старое, как другие, но ему поклонялись многие. Поэтому оно обрело такую мощь.

Я потерла лоб, пытаюсь собрать разбежавшиеся мысли в кучу, и спросила:

– Но почему в других местах я ничего не ощущала?

– Ты настраиваешься, – ответил мужчина. – К тому же устала. А уставший человек восприимчивей к таким вещам. Ничего. Сейчас все пройдет.

Мне очень хотелось ему верить, но не представляла, как такое может пройти за секунду.

Однако, когда преодолели всего двести метров и присели отдохнуть, волны действительно прекратились. Я с изумлением наблюдала за собой, а проводник щурился, довольный, как наевшийся сметаны кот, и попивал кофе, который непонятно откуда взялся.

– Ты гипнотизер? – спросила я отдышавшись.

Проводник вытаращился на меня, пару секунд смотрел, а потом разразился таким смехом, что мне стало неудобно перед прохожими, которые в изумлении оборачиваются.

Лишь спустя несколько минут он успокоился и проговорил вытирая пальцами глаза:

– Нет. Я лишь человек, который ведет тебя по Тропе.

– Но как тогда объяснить все это? – спросила я ежась потому, что без движения взмокшая спина начала остывать.

– Я уже все объяснил, – ответил проводник. – Но ты пытаешься найти какое-то другое объяснение. Люди часто так делают. Надеются микроскопом заколотить гвоздь.

Я сунула пыльцы подмышки и сказала:

– Не понимаю.

– Еще бы, – усмехнулся он. – Некоторые вещи понимать не надо. Их просто ощущают, и это самый правильный способ воспринять их. Ты же не пытаешься понять музыку.

– Нет, ну вообще-то доказали, что определенные сочетания звуков... – начала я, но проводник махнул рукой и прервал меня.

– А какая разница? – спросил он. – Доказали или нет,

но только Паганини написал двадцать четвертый каприс, не зная всех этих доказательств. И да Винчи рисовал Джоконду без компьютерной графики. У нас уже есть инструменты для восприятия мира. Только некоторые из них заржавели. Не используются потому что.

Я смотрела на своего проводника круглыми глазами и даже забыла про озябшие пальцы, которых уже не чувствую. Теперь он стал казаться человеком из другого мира, по какой-то случайности забредший в наш и благодаря все той же случайности нашел меня.

Совсем замерзнув, я поднялась. Проводник, видя готовность продолжать путь, тоже встал, и мы двинулись под эстакаду.

Дальше были повороты, переходы, он снова и снова хватал и перетаскивал меня через дорогу. Я повиновалась, смиренно выполняя все, что говорит, а сама размышляла над его словами.

Следующая церковь, в которую вошла была возрастом в триста лет. И вопреки моим опасениям, запах ладана оказался не таким приторным, как в детстве. А когда по рекомендации проводника прислушалась к ощущениям, поняла, что внутри необычайно спокойно.

Хотелось списать все на самовнушение, на чудесную силу убеждения моего спутника, но каким-то глубинным чувством ощущала, что они тут не при чем.

Я совсем не ела. Только пила воду, которая от мороза ста-

ла покрываться коркой льда, и, лишь благодаря тому, что несла бутылку в кармане, не замерзла окончательно.

Когда спустились к реке со странным названием Яуза, пошла длинная череда мостов и мостков над берегами. Вода не замерзла, поэтому реку облюбовали водоплавающие птицы в таком количестве, что проводник пошутил:

– Река тысячи уток.

– Их действительно, много, – согласилась я. – Будто не улетели на зиму.

– Зачем им улетать? – спросил проводник. – Вода теплая, есть коллекторы, где еще теплее. А люди подкармливают круглый год, да так, что эти еще перебирают, есть или подождать, может чего повкуснее принесут.

Я кивала, соглашалась. Когда выбрались на холм, снова начала ощущать усталость. И если в первый раз понимала, что нужно лишь посидеть, то сейчас требовался более серьезный отдых.

В следующей церкви, которая оказалась старше предыдущей на двести лет, шла подготовка к какому-то обряду. Люди обрезали цветы, выставляли их и выкладывали везде, где можно. От этого воздух внутри пропитался свежестью.

Пока проводник совершал только ему понятные манипуляции с рюкзаком, я переводила дух и разглядывала своды. Низкие, неровные, похожие на потолок пещеры, выбеленной известкой, что значит, люди постарались сохранить первозданность.

Проводник подошел, пока глазела на круглый подсвечник, блестящий, как свежеотлитая монета, и сказал:

– Вечереет.

– Мы заночуем где-нибудь? – с надеждой спросила я.

Он кивнул.

– Да, тут есть одно место.

Через некоторое время мы сидели за столом в небольшом хостеле. Я, наконец, сняла куртку и расстегнула пуховые штаны, которые от длительной ходьбы пропитались влагой.

Усталость валила с ног, я пыталась есть, но получалось с трудом. В итоге смогла запихнуть в себя пару котлет, о чем потом пожалела. Глядя на проводника, который уплетает комплексный ужин за обе щеки, я откинулась на спинку стула и слушала стук сердца.

От переутомления и отсутствия пищи оно ухало сильнее, чем обычно. Как только тепло стало проникать в мышцы, я с облегчением подумала, что сейчас расслаблюсь. Но вместо расслабления меня догнала волна адреналина, от которой захотелось вскочить и бежать еще двадцать километров, лишь бы выработать его.

– Я должна признаться, – сказала я, чувствуя, как к горлу подкатывает комок, а по спине раз за разом прокатывается жар.

Проводник перестал жевать и внимательно посмотрел на меня.

– Слушаю внимательно.

– Я боюсь, – выдохнула я, вдруг ощутив странное облегчение.

Думала, проводник засмеется или сделает что-нибудь, что заставит меня еще глубже уйти в себя и укрыться в болотном уюте квартиры. Но его лицо стало серьезным, брови сдвинулись на переносице и между ними пролегла глубокая морщина.

Несколько минут сидели молча. Я поглядывала на его суровое лицо, пока он пребывал в глубокой задумчивости. Наконец человек-проводник снова начал жевать и проговорил:

– Очень хорошо, что ты это сказала.

– Почему? – спросила я, встрепенувшись и обрадовавшись, что в своих думах он не забыл о разговоре.

Проводник повторил:

– Очень хорошо. Дав название своим ощущениям, ты разделяешь их формой. А все, что имеет форму, уязвимо. Каждый человек чего-то боится. Но лишь тот, кто признает свой страх, способен посмотреть на него и победить. Теперь тебе стоит увидеть его.

– Кого? – переспросила я, потирая щеки, которые после мороза пылают, как адское горнило.

Проводник выковырял из кекса изюмину и отправил в рот, затем ответил:

– Страх. Увидь его.

– Что это значит?

– Когда ты увидишь страх, – стал пояснять он, – ты сможешь его понять. Человек такое создание, которое боится, если не понимает. А понимает лишь то, что доступно глазу. То, что можно представить. Но стоит обрести понимание, страх уходит. На его место приходит знание.

Я попыталась осмыслить сказанное, но едва сконцентрировалась на словах, меня повело в сторону.

– Мне надо спать, – сказала я, поднимаясь, но тут же хлопнулась обратно на стул.

– Э, не, – протянул мой спутник, – так ты где-нибудь на лестнице приляжешь. Давай отведу.

– Я сама, – попыталась воспротивиться я, но проводник уже ухватил меня за плечи.

Мощным движением я была поставлена на ноги и в состоянии полусна доставлена в комнату. Как оказалась в кровати помнила смутно, а из-за перегрузки сон, который должен был сморить, долго не шел. Но, наконец организм закончил необходимые настройки, и я уснула.

Будильник пропел в шесть двадцать, выспаться не удалось. Я поднялась, точнее восстала, и напрямик шагнула к зеркалу. В нем отразилась девушка с растрепанными волосами цвета выдержанного виски, с двойными мешками под глазами и темными кругами вокруг них.

Состояние было, словно по мне прокатилась планета. Голова соображала плохо, картинка перед глазами затормаживалась, как на испорченной видеокассете.

Кое-как приведя себя в порядок, я натянула термобелье, влезла в зимние штаны, в которых похожа на космонавта, надела куртку с шапкой и спустилась вниз.

Проводник уже сидит за столом и с довольным видом уплетает завтрак, который умудрился где-то раздобыть. Он даже не поднял головы, когда опустилась на стул рядом и уронила голову на стол.

– Спа-ать... – протянула я.

Закрыв глаза, я ощущала, как сердце ухает в груди, а не выспавшийся организм требует прекратить истязания, отправиться обратно в кровать доспать недоспаное.

Слева доносится довольное жевание и шуршание какими-то бумажками. Через пару секунд раздался знакомый голос.

– Ты есть-то будешь?

Я, не поднимая головы, ответила:

– Нет. Не срослось у меня с едой что-то.

– Почему? – не понял проводник.

– Не знаю, – ответила я честно. – Не полезло. А то, что полезло... В общем, не срослось. Не хочется.

– Ясно, – только и сказал он.

Показалось, я проваливаюсь в сон, гомон столовой перестал раздражать, стал казаться убаюкивающим и мирным. Даже духота, которая сперва была невыносимой теперь помогала погружаться в дрему.

– Пойдем! – прогремел бодрый голос прямо над ухом, и я

подскочила, ощутив, как сердце, едва успокоившись, снова пустилось в пляс. – Сейчас на морозе проснешься.

– Надеюсь, – промямлила я и встала.

На улице действительно почувствовала себя лучше. Холодный воздух быстро привел в себя и мобилизовал силы, которые спят в каждом человеке.

Перед ночевкой мы сходили с маршрута, и теперь мой проводник неся, как сайгак, спеша вернуться обратно на трек. Несмотря на морозную свежесть и инерцию, на которой только и двигалась, я отстала. Проводнику пришлось несколько раз останавливаться, цеплять меня за ремни рюкзака и буквально силком подтягивать за собой.

Я не понимала причины спешки, но он то ли гнался за кем-то, то ли наоборот, пытался от чего-то уйти. Но зная характер проводника, предполагала скорее первое.

Лишь, когда вышли к реке, он отпустил меня и сказал идти впереди.

За ночь снега стало больше, тропа местами петляет, и приходится лезть прямо через заносы. Я двигалась, слушая команды, поворачивала, поднималась и опускалась, как машинка на радиоуправлении. Наконец, когда совершили очередной поворот, проводник на секунду остановился и указал вперед.

– Вон, посмотри.

Я прищурилась, стараясь уберечь глаза от снега, который повалил плотной стеной. Справа река, в которой шныряют

все те же утки. Чуть дальше она уходит под мост, такой низкой, что не понятно, как под ним ходят.

– Это Гномий тоннель, – сказал проводник. – Нам туда.

– Название, что надо, – отозвалась я недовольно. – Ради этого мы так бежали? Чтобы гордо войти в этот тоннель карликов?

– Гномов, – поправил меня проводник ничуть не обидевшись. – А бежали мы из-за тебя. Это ведь ты ведешь битву.

– Битву?

Меня удивило такое высказывание и очень захотелось получить разъяснения. Проводник посмотрел на меня хитро и смахнул с ресниц капли воды, которые образовались от снежинок.

– А разве нет? – вопросом на вопрос ответил он.

Я задумалась. Действительно, то, что происходит во мне сродни битве с чем-то, что стремится подмять под себя, засадить в клетку, снабдив иллюзиями, которые лишь отдаленно похожи на жизнь.

Мы вошли в Гномий тоннель, темный, как сама ночь и с такими низкими потолками, что моему проводнику пришлось наклоняться. Но тоннель оказался коротким, после него сразу свернули налево и поднялись. Через некоторое время перешли последнюю крупную дорогу и оказались там, где цивилизация постепенно умывает руки.

Снег все усиливался. Спустя пол часа метель летела в лицо, а снег сыпался за шиворот даже несмотря на высоко

поднятый шарф и капюшон. Передвигаться становилось все сложнее еще и потому, что силы после недостаточного отдыха, таяли, как льдинка над костром.

Когда выбрались из небольшой впадины, перед нами раскинулось огромное заснеженное поле в середине которого темным столбом высится памятник. Чуть дальше церковь, едва проступающая в снежной круговерти.

В завываниях ветра показалось, что слышу голоса, распевające хоралы. Но, когда попыталась разобрать слова, уловила лишь гул.

– Это одно из мест силы, – прокричал мой проводник, стараясь перебить завывание вьюги. – И первый контрольный пункт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.